

Решетников Федор Михайлович

**Полное собрание сочинений Ф.М.
Решетникова**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Михайлович Р.**
Полное собрание сочинений Ф.М. Решетникова: Том 1 / Решетников Федор Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 490 с.

ISBN 978-5-519-80641-1

ISBN 978-5-519-80641-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

Ө. М. РѢШЕТНИКОВА.

I.

Въ теченіе 60-хъ годовъ появился въ нашей литературѣ рядъ писателей, родственныхъ и по происхожденію изъ однихъ и тѣхъ же общественныхъ слоевъ, и по характеру жизни, и по содержанію своихъ произведеній. Таковы — Н. Помяловскій, А. Левитовъ, Н. и Гл. Успенскіе, Н. Златовратскій и пр. Кромѣ одного Помяловскаго, родившагося въ Петербургѣ, всѣ они являются выходцами изъ провинціальной глуши; всѣ они родились въ семьяхъ, принадлежавшихъ къ низшему сельскому духовенству или мелкому чиновничеству; всѣ провели очень печальное дѣтство среди нищеты, терпя всякаго рода лишенія, униженія, истязанія, а въ юности — вынося тяжкую борьбу за существованіе; въ произведеніяхъ всѣхъ ихъ замѣчается полное отсутствіе художественной отдѣлки, зато обстоятельное и глубокое знаніе жизни крестьянъ и мѣщанъ.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой школѣ принадлежитъ безспорно Ө. М. Рѣшетникову, и не столько по степени талантливости (въ этомъ отношеніи мы, конечно, должны отдать пальму первенства Помяловскому и Гл. Успенскому), сколько по той яркой типичности, какую представляетъ собою Рѣшетниковъ среди своихъ сотоварищей, и какъ человекъ, и какъ писатель.

Ө. М. Рѣшетниковъ родился въ Екатеринбургѣ, 5 сентября 1841 года. Отецъ его былъ дьячокъ, и предавался горькому пьянству. Думая оспенить его, родной братъ, служившій въ Екатеринбургской почтовой конторѣ, женилъ его на дочери дьякона, тихой и кроткой дѣвушкѣ. Выйдя изъ дьячкова, отецъ Рѣшетникова поступилъ въ почталыоны; но интъ не пересталъ и жить съ женою такъ плохо, что, когда братъ его съ женой переѣхалъ въ Пермь, она съ девятимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ ушла вслѣдъ за ними. Въ Пермь она пришла во время

сильнаго пожара и такъ была напугана, что заболѣла и умерла въ больницѣ. Мальчикъ остался такимъ образомъ на рукахъ дяди и тетки, которые его и воспитали.

Это были люди честные, добрые, но притиснутые нуждою, съ трудомъ перебивавшіеся на тѣ скудные гроши, которые получалъ дядя на службѣ, и жившіе подъ непрестаннымъ страхомъ прогнѣвить начальство и потерять послѣдній кусокъ хлѣба. Они полюбили племянника, старались пригрѣть несчастнаго сироту, заботились о томъ, чтобы сдѣлать изъ него человека. Къ сожалѣнію, едва грамотные, они, подобно всѣмъ захолустнымъ мѣщанамъ и мелкимъ чиновникамъ, находились на самой низкой степени культуры, нравы ихъ были грубы, понятія — исполнены первобытной патріархальности. Воспитывать, по ихъ мнѣнію, значило держать ребенка въ ежовыхъ рукавицахъ и съчъ розгами или бить по чему попало безъ разбору за всякую малость.

На бѣду Рѣшетниковъ оказался мальчикомъ бойкимъ, веселымъ, рѣзвымъ, и обнаруживалъ большую впечатлительность. И вотъ, какъ только началъ онъ подростать, воспитатели не замедлили начать употреблять всѣ средства, чтобы выбить изъ него врожденную рѣзвость и сдѣлать тише воды, ниже травы. Ребенокъ вездѣ лѣзъ, и его колотили тоже вездѣ. Дядя принесъ лубочную картинку и сталъ разсматривать, — воспитанника разобрало любопытство, онъ потянулъ картинку къ себѣ и разорвалъ пополамъ. «За это дядя меня такъ ударилъ, — говоритъ онъ въ своей автобіографической повѣсти «Между людьми», — что я ударился головою объ полъ, изъ рта пошла кровь». Въ домѣ была одна единственная книга — «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» съ картинками. Картинки привлекали мальчика, но онъ не ограничился разсматриваньемъ ихъ, а прокалывалъ иглою глаза у изображенныхъ лицъ, или буквы въ текстѣ, а однажды, въ отсут-

ствіе воспитателей, завладѣвъ книгою, онъ началъ выдирать изъ нея картинки совсѣмъ, а затѣмъ, испугавшись послѣдствій, засунулъ книгу въ печку. Книгу вытащили, но «за это,—говоритъ Рѣшетниковъ,—дядя долго дралъ меня ремнемъ». Били его и за то, что плохо молится по утрамъ, и за то, что слишкомъ усердно чистить сапоги дядѣ; били и чужіе люди на почтовомъ дворѣ, потому что онъ всюду лѣзъ, чтобы посмотреть, нѣтъ ли гдѣ «хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками»... «Мнѣ нравилось,—говоритъ онъ,—все, что я видѣлъ въ первый разъ—мебель, платье, и вещь, особенно поправившюся норовилъ припрятать». Недовольные имъ, проучивъ его у себя, шли кромѣ того жаловаться на него къ его воспитателямъ, которые въ свою очередь не давали ему спуска. Ото всѣхъ кругомъ такъ и сыпались на него клички: «пестъ», «ножовое вострее», «балбесъ», «безротаая скотина».

Всѣ эти произзвища и истязанія озлили мальчика, и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ объявилъ войну всѣмъ окружающимъ. Ему ничего не стоило засунуть въ кашню или кадку съ водою дохлую кошку, намазать въ грязи чистое бѣлье, развѣшенное на дворѣ для просушки, вытащить изъ самовара кранъ, забросить его за заборъ, и самоваръ распаять и т. п. Онъ сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору. Били и ругали его всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, запуская въ своихъ прагровъ камнями, билъ ихъ по лицу, кусался, и въ то же время изобрѣталъ новыя и новыя пакости врагамъ своимъ. «Меня отдерутъ,—говоритъ Рѣшетниковъ,—я сяду куда-нибудь въ уголъ и думаю, что бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ».

Грамотѣ учить мальчика началъ дядя, и, конечно, безъ битыя ученіе не обошлось. «Знаю,—говоритъ Рѣшетниковъ,—что много терпѣнія затратилъ дядя на мое ученіе. Подзовешь онъ меня къ столу, заставляешь читать и такъ строго заставляешь, что я боюсь его и молчу. Онъ крикнетъ на меня: ну! Я задрожу. Онъ ударитъ меня, я въ слезы; онъ хуже: привяжетъ меня къ столу и уйдетъ. Какъ только онъ уйдетъ, я начинаю ковырять указкой буквы, вырываю листки изъ азбуки. Дядя выспится, придетъ ко мнѣ.—«Выучилъ?»—Я молчу.—«Что-же ты?»—Я смотрю на него, надуваю губы и со злобости смотрю въ уголъ.—«Такъ-то ты?»—Онъ схватитъ ремень и начнетъ меня драть. Я возьму, да и укушу ему руку»...

Затѣмъ отдали его въ ученіе старому отставному чиновнику съ платою по четыре рубля въ мѣсяцъ. Чинovníкъ былъ страстный охотникъ до птицъ: вся комната его была заставлена садками. Сверхъ того любилъ онъ дѣтей, и у него было нѣчто въ родѣ маленькой школы: постоянно учились мальчугановъ до восьми. Училъ онъ плохо; только и дѣлалъ, что задавалъ по книжкѣ на домъ уроки възбужку, да кое-что рассказывалъ изъ священной и всеобщей исторіи. Впрочемъ, Рѣшетниковъ учился у него недолго. Оставшись какъ-то въ классѣ одинъ, онъ выпустилъ изъ клѣтокъ всѣхъ птицъ, чтобы полюбоваться, какъ онѣ будутъ летать; птицы вылетѣли на улицу и разлетѣлись. Учитель, воротясь домой и

придя, конечно, въ ужасъ, вытолкалъ ученика въ шею, и съ тѣхъ поръ Рѣшетниковъ не выдалъ его больше.

Когда мальчику минуло десять лѣтъ, его отдали въ бурсу на томъ основаніи, что хотя отецъ его и былъ почтальономъ, когда онъ родился, но все-таки принадлежалъ къ духовному званію, у дяди же было много знакомыхъ изъ консисторскихъ. Къ домашнему драбню присоединилось теперь новое, бурсацкое. «Мнѣ показалось,—говоритъ онъ,—что у дяди вольнѣе жить и лучше. Дядя и тетка наказывали за дѣло, а здѣсь, за какіе-то уроки, которые я не считалъ нужнымъ учить, меня два раза выстегали до обѣда, да разъ послѣ обѣда... Цѣлыя двѣ недѣли меня нигде не выпускали изъ заведенія и почти каждый день драли, какъ лошадей, если не разъ, то по два раза; товарищи били меня за то, что я воровалъ у нихъ булки, сухенья лепешки, привезенныя имъ родственниками. Я ни съ кѣмъ не жилъ въ ладъ, хвастаясь дядей, и никто не любилъ меня; всѣ стали жаловаться, что я краду булки; да если я и былъ правъ, такъ находились товарищи, которые сами воровали и сваливали всю вину на меня. Такъ прожилъ я мѣсяцъ и въ это время ужасно перемѣнился—похудѣлъ и схватилъ золотуху. Мнѣ невтерпѣжъ стало житье въ заведеніи и я задумалъ бѣжать»...

«Рано утромъ,—рассказываетъ онъ далѣе,—я ушелъ на колокольню, думая, что тамъ никто меня не найдетъ. Съ замираніемъ сердца я просидѣлъ на вышкѣ подъ колоколами то время, какъ звонили къ заутренѣ».

Просидѣвши затѣмъ подъ колоколами весь день въ тоскѣ, страхѣ и борьбѣ съ голодомъ, къ ночи онъ не могъ опинить страха, убѣжалъ съ колокольни на рѣку и здѣсь ночевалъ у лодки. Понутру онъ ходилъ, какъ помѣшанный, отъ голода. Въ рыбацьемъ шалашѣ нашелъ онъ поля-ковриги хлѣба, взявъ его себѣ, и тутъ же, не зная зачѣмъ, повертѣлъ въ лодкѣ дыру, расплаталъ неводъ, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ.

Этотъ день, по его словамъ, онъ провелъ хорошо, прогуливаясь по травѣ и по лѣсу и напѣвая пѣсни... Онъ радовался, что на свободѣ, что никто его не стѣсняетъ и онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, торжествовалъ надъ тѣмъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ бурсаковъ убѣжалъ далеко, а ихъ дерутъ. «Пусть васъ дерутъ»,—говорилъ онъ громко и хотѣлъ. Онъ былъ счастливъ и счастливѣе себя не находилъ человѣкъ; онъ думалъ: «а какъ хорошо! Ни за что не пойду отсюда, ни за что не пойду, и къ дядѣ не пойду»... «Мнѣ ничего не нужно было,—говоритъ онъ далѣе,—хотя и казалось мнѣ, что въ каждомъ кусту кто-то сторожитъ меня, а на иные кусты я и смотрѣть-то боялся; когда проходилъ мой страхъ, я думалъ: а хорошо бы здѣсь построить домъ; я бы тогда взялъ съ собою дядю и тетку, и они не стали бы меня тогда бить». Далѣе онъ сѣлъ въ чью-то лодку и сталъ грести вверхъ, но силы были слабы, лодку несло внизъ и прибило къ берегу. Здѣсь, сидя въ лодкѣ и доѣдая остатокъ хлѣба, бѣглець мечталъ и поглядывалъ на городъ,

какъ вдругъ на него налетѣлъ съ ругательствами и проклятіями какой-то мѣщанинъ и принялся тузить не на милость, а на смерть. На лицѣ была кровь, голова страшно болѣла, волоса лѣзли. Скоро вслѣдъ за мѣщаниномъ явилась цѣлая флотилія бурсаковъ, разыскивавшихъ бѣглеца, и когда послѣдній бросился бѣжать отъ нихъ, они настигли его, связали и безжалостно поволокли по кочкамъ въ бурсу, награждая палочными ударами. Въ заключеніе ему была задана такая «баня», послѣ которой Рѣшетниковъ пролежалъ въ лазаретѣ два мѣсяца.

Но стремленіе бѣжать отъ такой каторги не оставило Рѣшетникова и послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ. Уже лежа въ лазаретѣ, обдумывалъ онъ планъ бѣгства, и какъ только выздоровѣлъ, бѣжалъ снова. Прежде всего отправился онъ на такъ-называемую «Мотовилаху», — заводъ въ трехъ верстахъ отъ Перми. Бурсацкій сюртукъ онъ бросилъ въ воду, чтобы не узнали, вымазалъ грязью лицо, рубашку, панталоны и пошелъ по заводскимъ домамъ и кабакамъ просить «Христа ради». — «Чей ты, парняга?» — спрашивали его. — «Материнъ», — отвѣчалъ онъ уклончиво.

Долго шатался онъ здѣсь между рабочими и мастеровыми, которые давали ему кровъ и питали его. Много, — говоритъ онъ, — увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ». Но такое впечатлѣніе производили на него лишь трудящіеся люди; что же касается нищихъ, съ которыми онъ безпрестанно сталкивался, то, напротивъ того, впечатлѣнія, вынесенныя изъ ихъ среды, носили совсѣмъ иной характеръ. «Такъ мнѣ, — говоритъ онъ, — показались гадки всѣ нищіе, что я всячески старался избѣгать ихъ; но они все-таки находили меня и тащили съ собою. Я кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы меня спасли отъ нихъ, но никто не давалъ помощи. Искать я въ заводѣ и такого человѣка, который заставлялъ бы меня работать, но меня не хотѣли брать безъ имени, а своего имени я не хотѣлъ сказывать... И Богъ знаетъ, что было бы со мною дальше, если бы не спасла меня одна женщина»... Это была крестьянка, носившая воспитателямъ Рѣшетникова молоко. Она случайно встрѣтила мальчика, узнала его и отвела къ роднымъ. «Дѣло извѣстное, — заканчиваетъ Рѣшетниковъ свой рассказъ о бѣгствѣ, — что было послѣ этого»... Изъ бурсы его, конечно, исключили, и онъ снова очутился не при чемъ, на рукахъ у своихъ родственниковъ.

II.

Всѣ эти испытанія произвели сильный кризисъ въ душѣ ребенка. Онъ затаился въ себя, примирѣлъ и словно какъ бы замеръ; пересталъ возмущаться, протестовать, дѣлать пакости окружающимъ людямъ, покушаться на побѣги и пр. Терпѣливо выносилъ онъ всѣ истязанія и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ углу за дзѣрью въ полной апатіи. Въ то же время въ немъ начался процессъ глубокаго

анализа окружающихъ его людей, и съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе и болѣе примирительный характеръ. «Я, — говоритъ онъ, — нисколько не винилъ воспитателей въ томъ, что они строги; я даже благодарилъ ихъ, что они содержатъ меня, и мнѣ досадно было только на то, что они сердятся на меня во всѣхъ своихъ неудачахъ, какъ будто въ ихъ неудачахъ я одинъ виноватъ». Ахъ, какъ нуждался въ это время несчастный ребенокъ въ малѣйшей ласкѣ, которая согрѣла бы его одинокую, загнанную душу, но ничего не находилъ онъ вокругъ себя, кромѣ однихъ лишь брани и попрековъ. «Я много, — говоритъ онъ, — думалъ о своемъ положеніи и ничего не видѣлъ хорошаго въ настоящемъ, и не ждалъ ничего утѣшительнаго въ будущемъ. Когда мнѣ становилось очень тяжело, я плакалъ, — да и было отъ чего: меня укоряли отцомъ, моими поступками, и съ утра до вечера нигде не выпускали, да и я самъ нигде не шелъ: мнѣ почему-то стыдно было людей»...

И вотъ однажды вечеромъ, когда мальчикъ уже легъ спать, дядя привелъ съ собой какого-то чело-вѣка въ почталовской одеждѣ, обрюзглаго, съ отекавшимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ болѣзненно кашлялъ и рассказывалъ о томъ, какъ онъ несчастливъ, какъ къ нему несправедливы, какъ его бьютъ. «Ты не повѣрши, — говоритъ онъ дядѣ, — какъ этотъ смотритель каждый день билъ меня въ грудь, топталъ ногами».

Оказалось, что это былъ отецъ Рѣшетникова. Страхъ и радость охватили мальчика при видѣ его, но когда сынъ подошелъ къ отцу, бѣдный отецъ не зналъ, что сказать... «Большой выросъ» — произнесъ онъ. «Что ты не цѣлуешь отца?» — спросилъ дядя. — «Да что мнѣ его цѣловать-то?» И больше ничего.

На другой день, разговорившись съ теткой о сынѣ, отецъ упрямивалъ ее: — «Дери ты его... что есть мочи дери». — Когда ему предложили взять сына съ собой, онъ отвѣчалъ: — Куда мнѣ съ нимъ?.. не надо... мнѣ и одному горько жить». — Уѣзжая совсѣмъ, онъ могъ сказать сыну только: — «Ну, прощай! слушайся»... — и пошелъ прочь. — «Мнѣ тяжело было, — говоритъ Рѣшетниковъ, — что отецъ уѣхалъ, а я не высказалъ ему своего горя»... Такимъ образомъ, встрѣча съ отцомъ не только не облегчила души мальчика, напротивъ того сдѣлала его еще несчастнѣе, заставивъ въ большей степени почувствовать свое полное сиротство и одиночество.

На двѣнадцатомъ году отдали Рѣшетникова въ уѣздное училище. «Но я, — говоритъ онъ, — три года промучился въ первомъ классѣ и ничего не понималъ. Объ умственномъ развитіи учителя не заботились, а учили насъ взбуряжку и ничего не показывали. Учителя считали за наслажденіе драть насъ». Онъ теперь уже не думалъ бѣжать, а когда производилась общая порка въ концѣ мѣсяца, старался только встать въ концѣ шеренги, предназначенной къ сѣченью, потому что къ концу ея сторожъ уставлялъ. Иногда онъ отдѣлывался гривенникомъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конто-

ръ составленіемъ крестьянскихъ писемъ. Отъ учителей онъ отдѣлялся тоже своего рода взятками: отправлять имъ, благодаря дядѣ письма даромъ, доставлять имъ въ руки полученные на ихъ имя письма, тайкомъ таскалъ съ почты газеты для прочтенія ими, и они оставляли его за это въ покоѣ.

Но это тасканье газетъ не обошлось даромъ мальчику и привело его къ новой катастрофѣ. Дѣло въ томъ, что, похищая въ конторѣ газеты, Рѣшетниковъ, по прочтеніи ихъ учителями, забрасывалъ ихъ въ содѣйный огородъ черезъ заборъ; бывали случаи, что онъ, со страху, вырасывалъ туда пакеты, не разматывая и не читая ихъ, и въ числѣ такихъ нечитанныхъ пакетовъ забросилъ одинъ весьма важный манифестъ (1855 г.). Дѣло было не шуточное; виновника разыскали и предали формальному суду, хотя преступнику было не болѣе четырнадцати лѣтъ.

Дѣло тянулось два года. Изъ училища, конечно, онъ тотчасъ же былъ исключенъ. Трудно представить себѣ, что въ это время переживалъ несчастный мальчикъ... На ругательства воспитателей онъ отвѣчалъ рыданіемъ и, Богъ знаетъ, какъ былъ готовъ благодарить ихъ; онъ удивлялся, какъ они не боятся держать его у себя; старался, чѣмъ только могъ, услужить имъ, носилъ дрова, воду, исполнялъ все, что ни прикажутъ. Наконецъ вышло опредѣленіе суда—отсылка виновника въ Соликамскій монастырь на эпитемію, на три мѣсяца.

Трехмѣсячное пребываніе Рѣшетникова въ Соликамскѣ имѣло весьма вредное вліяніе на его умственное развитіе, отразившееся пагубными послѣдствіями на всю его жизнь. Поселился онъ, по пріѣздѣ туда, у какихъ-то дальнихъ родственниковъ, которые не замедлили осыпать его градомъ всякаго рода упрековъ. Воспитатели въ свою очередь понимали его въ своихъ письмахъ. И вотъ онъ начинаетъ отводить душу въ обществѣ людей весьма сомнительнаго поведенія: начинаетъ якшаться съ почталонами, играть съ ними въ карты, участвовать въ ихъ попойкахъ, ходить съ ними въ почтальонской формѣ для выпрашиванія новогоднихъ. Монахи Соликамскаго монастыря въ первое время производили на него такое скверное впечатлѣніе, что у него пропало желаніе остаться въ монастырѣ, о чемъ онъ мечталъ, отправляясь въ Соликамскъ. «Я ходилъ каждый день въ монастырь,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—и смотрѣлъ на ихъ образъ жизни и всѣ они не похожи на монаховъ... и дѣлаютъ разныя непристойности». Но мало-по-малу онъ втянулся и въ общество монаховъ, и сдружился съ ними. «И такъ я чудно,—пишетъ онъ въ дневникѣ,—и весело проводилъ время съ монахами; они меня поили пивомъ, и я часто приходилъ домой пьянымъ. Да и всѣ меня любили сердечно и я тоже пыталъ свою любовь къ нимъ. Иногда обѣдалъ и спать въ кельяхъ... Словомъ, очень весело я провелъ время съ доброю братією и въ особенности тогда, когда пили пиво».

Пиво это, по позднѣйшимъ разсказамъ Рѣшетникова, обыкновенно наставлялось на листовомъ табакѣ. Самъ Рѣшетниковъ приписывалъ именно это-

му адскому напитку начало той болѣзни, которая уложила его въ преждевременную могилу.

«Мрачно и печально, пишетъ онъ передъ истеченіемъ срока своей ссылки, что я разлучаюсь съ моими друзьями, истинными христианами. Но что же дѣлать, дядя мой единокровный хочетъ этого. Но я еще когда-нибудь могу поступить въ монастырь и мнѣ хочется кончить жизнь тамъ, гдѣ живутъ только мирно».

Рѣшетниковъ возвратился въ Пермь въ 1857 году, 16-ти лѣтъ отъ роду. Замѣчательно, что сверхъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ онъ вынесъ изъ монастыря нѣчто совершенно противоположное этому пороку: именно сплывшую наклонность къ мистицизму и аскетизму. Онъ только и мечталъ въ то время, что о постриженіи въ монахи, клалъ земные поклоны и сочинялъ даже свои собственные молитвы. Въ домѣ дяди жила бѣдная вдова съ дочкой. Съ послѣдней Рѣшетниковъ былъ знакомъ съ дѣтства, и она ему нравилась. Но когда дядя сказалъ ему однажды въ шутку, что онъ отдастъ ее за него замужъ, Рѣшетниковъ въ экстазѣ своего аскетическаго настроенія пишетъ: «Я не могу взять за примѣръ женщинъ и не могу соблазняться примѣромъ ихъ. Богъ знаетъ, что я имѣю усердіе къ его великой церкви и вѣкъ буду стремиться къ его церкви и будетъ время, когда я уйду въ монастырь въ уединеніе и тамъ буду молиться Небесной невѣстѣ, Пресвятой Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріи...»

Жизнь его въ домѣ воспитателей по возвращеніи его изъ монастыря по-прежнему была полна попрековъ, выговоровъ и всяческихъ гоненій и поношеній, но въ своемъ религіозномъ настроеніи онъ терпѣливо переносилъ всѣ нападки и лишь вопіялъ:

«Богъ съ ними, а пока есть у меня силы и возможность, буду терпѣть и въ молчаніи призывать моего Господа и просить его милости, ибо къ кому намъ грѣшнымъ прибѣгать, какъ не къ Нему. Боже, спаси меня нынѣ и даждь терпѣніе мнѣ во дни скорби моей, да не погибнетъ душа моя до конца; спаси мя и тетку, и обидящихъ мя спаси и помилуй, и вѣчной ихъ обители сотвори, помилуй по милости твоей, якоже помиловалъ праотецъ нашихъ. Адама и Еву, да и къ тебѣ всегда вопіемъ: помилуй насъ Господи, владыко нашъ и благодѣтелю, и тебѣ славу возсылаемъ во вѣки. Аминь».

Семейная дрязга ввидѣ ссоръ его родныхъ между собою изъ-пустяковъ въ свою очередь наводятъ его на слѣдующаго рода религіозныя размышленія: «Я, взирая на жизнь ихъ, жалѣлъ ихъ обоимъ и укрѣплялся на молитвы, которые, можетъ быть, помогутъ мнѣ и ихнему прощенію во грѣхахъ».

Принятый вновь въ уѣздное училище, онъ и на товарищей смотритъ съ той же религіозной точки зрѣнія: «Печально, пишетъ онъ, мнѣ смотрѣть на братію мою, учащуюся со мной: всѣ наполнены хитрости, обмана и богоульства, что должно быть непростительно въ нашихъ лѣтахъ... Но Богъ милостивъ еще къ намъ. Даже К. (ученикъ) уже прильпился въ сѣтяхъ дьявола. О! сколь нынѣ свѣтъ

развратилъ! Даже младенцы, недавно выступившіе на свѣтъ Божій, и тѣ хулятъ имя Господне и не страшатся суда Всевышняго».

Въ подобномъ религіозномъ настроеніи прошли два года—1857-ой и 1858-й. Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ любимыми занятіями Рѣшеникова было читать книги духовнаго содержанія, ходить по церквамъ, ѣздить на клиросѣ, слушать проповѣди и сочинять подобныя и самому. Впрочемъ, и въ это время религіозное настроеніе не всецѣло поглощало Рѣшеникова: иногда онъ любилъ отправиться порыбачить за Каму, гдѣ сходилъ съ народомъ и узнавалъ жизнь и нравы крестьянъ, бурлаковъ.

Въ 1859 году воспитатели его перѣхали въ Екатеринбургъ, гдѣ дядя получилъ мѣсто помощника почтмейстера. Рѣшениковъ помѣстился на частной квартирѣ. Оставшись на свободѣ, онъ ожилъ: въ дневникѣ его вмѣсто религіозныхъ размышленій идутъ теперь очерки лицъ, съ которыми ему теперь пришлось жить одному. Онъ дѣлается простымъ лѣтописцемъ окружающей его жизни, описываетъ городскія происшествія, пожары. Во время бывшихъ въ Перми въ 1859 году пожаровъ онъ занимался по ночамъ караулить дома обывателей, за что получалъ 20 копѣекъ — «потому что, писалъ онъ, у меня не было денегъ». Отъ этой работы онъ «нажить» 1 р. 20 к. Въ свободные дни онъ ѣздилъ рыбачить на Каму, гдѣ съ простымъ народомъ проводилъ цѣлыя ночи.

Эти немногіе мѣсяцы 1859 года (съ февраля по іюнь) были весьма благотворны для Рѣшеникова какъ въ смыслѣ накопленія въ его памяти тѣхъ фактовъ и чертъ народнаго быта, которые впоследствии послужили матеріаломъ для его литературныхъ работъ, такъ и поворота мысли его изъ области затхлаго мистицизма на свѣтскую и реальную почву, пробужденія въ немъ чисто-умственныхъ интересовъ, жажды развитія и знаній.

«Часто въ это время, говоритъ онъ, случалось, что я, сидя въ лодкѣ, глядѣлъ куда-нибудь вдаль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть, и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ ни одного слова. Очнешься и плюнешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, если бы я былъ богатъ, я бы накупилъ книгъ много, много... Я бы все выучилъ»...

25 іюня онъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и «получилъ аттестатъ съ отличными, хорошими, и изъ арифметики и геометріи достаточными успѣхами», послѣ чего ему пришлось снова вернуться къ родственникамъ, жившимъ въ Екатеринбургѣ. Этимъ и закончились учебные годы Рѣшеникова. Уѣзднымъ училищемъ завершилось все его школьное образованіе.

III.

По пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ уѣздный судъ (29 іюля 1859 года) и сталъ заниматься въ судѣ съ жалованьемъ по 3 рубля въ мѣсяцъ, которые цѣлкомъ отдавалъ воспитателямъ.

Замѣчательно, что, подобно тому, какъ въ монастырѣ онъ пришелъ съ идеальными представленіями о монастырской жизни, и дѣйствительность сразу разочаровала его въ этихъ представленіяхъ, тоже повторилось и теперь: онъ «гордился тѣмъ, что служить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ» и воображалъ со своей стороны приносить имъ пользу. Но ему пришлось горько разочароваться и прійти въ крайнее негодованіе при видѣ всей той канцелярской грязи, въ которую онъ окунулся при первомъ же своемъ появленіи въ судѣ. Поголовное взяточничество, плутни, интриги, взаимное подкапыванье другъ друга, низкопоклонство передъ начальствомъ и надменная грубость съ подчиненными, при полномъ отсутствіи пониманія обязанностей,—все это ошеломило юношу, и онъ началъ раздражаться въ своемъ дневникѣ жалобами на своихъ товарищей и характеристиками ихъ весьма для нихъ неслестными. Вся же та польза людямъ, о которой онъ мечталъ, свелась къ механической работѣ переписыванья бумагъ.

Недовольный такимъ образомъ канцелярскими нравами и порядками и всею процедурою службы, томясь въ то же время тоскою одиночества въ домѣ дяди, гдѣ ему былъ отведенъ уголокъ на полатахъ, Рѣшениковъ началъ находить единственное утѣшеніе въ бесѣдахъ съ музами, и результатомъ этихъ бесѣдъ была поэма въ стихахъ, написанная имъ въ 1860 году, подъ заглавіемъ «Приговоръ». Чтобы судить о томъ, какъ въ то время былъ далекъ еще Рѣшениковъ отъ «Подпловцевъ», достаточно привести содержаніе поэмы этой, написанной крайне неудобочитаемыми стихами.

Въ уѣздномъ городѣ живетъ судья. Въ домѣ кромѣ него находятся еще два лица: воспитанница и дворникъ. Всѣ они мрачны, скучны, угрюмы, а судья и дворникъ носятъ сверхъ того какую-то тайну въ душѣ. Судья—отчаянный взяточникъ, но вовсе не это обстоятельство терзаетъ его совѣсть и составляетъ причину его мрачности; у него на душѣ лежитъ тяжкій грѣхъ. Дѣло въ томъ, что воспитанница, живущая у него и не знающая, кто ея отецъ, есть не воспитанница, а родная его дочь, прижатая имъ съ замужней женщиной, которая уже умерла. Этотъ грѣхъ мучаетъ судью со дня рожденія дочери. Дворникъ же потому мраченъ, и «вздрагиваетъ, оставшись одинъ», что онъ помогалъ судѣ беременную женщину (мать воспитанницы) спровадить вмѣсто богомолья въ деревню, гдѣ она и родила. Грѣхи эти не остаются, конечно, безъ возмездія. Пріѣзжаетъ ревизоръ, и въ тотъ самый день, когда онъ облачаетъ запутавшагося во взяткахъ судью, сгораетъ его домъ, подозреваемый дворникомъ. Мучимый совѣстью дворникъ рѣшился съжечь мѣсто, гдѣ было столько обмановъ и потомъ самъ удавился въ лѣсу. Судью разбиваетъ параличъ и его отвозятъ въ больницу. Воспитанница выходитъ замужъ за штатнаго смотрителя, котораго она давно любила, и переводитъ судью къ себѣ; послѣдній, умирая, рассказываетъ ей, что она его дочь,—и рѣчь его постоянно прерывается появленіемъ бѣсовъ съ вилами, крючками и т. п. За минуту до смерти

является частный приставъ, тащить судью въ острогъ, но судья умираетъ. Во время похоронъ его поднимается страшная буря, гробъ срываетъ съ катафалки, судья вываливается... Но и этого оказывается автору мало для покаранія грѣшника: на могилѣ его постоянно потомъ видны двѣ черныя кошки...

За поэмою послѣдовала въ томъ же году драма въ шести дѣйствіяхъ, написанная тоже стихами подъ заглавіемъ «Паничъ». Герой поэмы-драмы, — злодѣй, разбойникъ и убійца, сосланный за разбой и грабежи на каторгу, возвращается благополучно на родину, съ цѣлю добить остальныхъ своихъ враговъ, и потомъ столь же благополучно уходитъ назадь.

Въ обоихъ произведеніяхъ, по словамъ биографа Рѣшетникова, Г. И. Успенскаго, читатель, если только онъ одолѣетъ весьма тяжелый стихъ, которымъ написаны эти произведенія, — непременно увидитъ, что у автора ихъ есть и масса матеріала, и масса любви, и самородная, неудержимая потребность сказать свое слово; но нѣтъ ясности мысли, которая бы освѣтила надлежащимъ образомъ и матеріалъ этотъ, и силы самого автора, по рукамъ и по ногамъ связаннаго взглядами, приобретенными въ ссылкѣ и интересами канцелярской мелкоты:

Кромѣ упомянутыхъ двухъ вещей, Рѣшетниковъ пишетъ и много другихъ, не сохранившихся въ его бумагахъ, и лишь упоминаемыхъ въ дневникѣ и письмахъ, каковы «Черное озеро», «Дѣловые люди» и пр. Эти произведенія, судя по дневнику, имѣютъ уже чисто обличительный характеръ и относятся, по времени, къ 1860-го и началу 61-го года.

Въ 1860 году Рѣшетниковъ получилъ мѣсто помощника столоначальника горнорабочаго стола въ томъ же уѣздномъ судѣ. Теперь онъ получилъ возможность пріѣхать на дѣлѣ свои мечты о принесеніи пользы людямъ, участь которыхъ зависла отъ части отъ него. «Мнѣ страшно казалось, рассказываетъ Рѣшетниковъ, рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги п дѣла, заглядывая въ разныя мѣста, читалъ разныя копіи, реестры и все то, что ни попадалось на глаза. Когда я былъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не заперто, и узналъ здѣсь очень многое».

Вступивши при этомъ чтеніи бумагъ на множество плутней, послужившихъ матеріаломъ для вышеозначенныхъ обличительныхъ произведеній, Рѣшетниковъ въ то же время пополнилъ свое знакомство съ народомъ, узнавъ всю подпольную зависимость простаго человѣка отъ всѣхъ властей, не исключая самыхъ маленькихъ. Результатомъ этого знакомства было возникновеніе сознательной потребности приносить простымъ людямъ пользу посредствомъ литературной дѣятельности. Потребность эта еще болѣе была укрѣплена въ Рѣшетниковѣ знакомствомъ съ однимъ мастеровымъ Екатеринбургскаго монетнаго двора, который очень любилъ юношу, знакомилъ его съ бытомъ рабочихъ людей, совѣтовалъ ему жить честно, не яхаться съ пьянчужками и взяточниками...

По мѣрѣ того, какъ въ Рѣшетниковѣ укрѣплялось сознаніе, что помощью своихъ писаній, онъ можетъ сдѣлать кое-что полезное, — уѣздный судъ и Екатеринбургъ ему стали надоедать, и явилось желаніе переѣхать службу и жить въ Пермь: тамъ можно читать книги, тамъ у него школьные товарищи, подруга дѣтства, отъ которой онъ отказывался въ періодъ аскетизма, но которую теперь снова любилъ такъ же, какъ и въ дѣтствѣ.

Но не малую борьбу пришлось выдержать Рѣшетникову съ дядею, который не хотѣлъ и думать о переселеніи племянника въ Пермь. Нужно ли и говорить о томъ, что старикъ съ крайнимъ негодованіемъ смотрѣлъ на литературныя занятія племянника. «Я не ладилъ, — писалъ онъ ему изъ Курска, куда былъ откомандированъ по дѣламъ службы, — и даже не желалъ сдѣлать изъ тебя поэта или какого-нибудь дурана, а всегда старался сдѣлать изъ тебя умнаго и образованнаго человѣка»...

Долгое время длилась эта борьба, при чемъ каждый отстаивалъ свои взгляды, но наконецъ дядя понемногу началъ сдаваться. Видя, что племянникъ еще прилежнѣе продолжаетъ сидѣть надъ своими сочиненіями, онъ сталъ задумываться надъ этимъ несокрушимымъ постоянствомъ, какъ будто начиналъ вѣрять, что племянникъ дѣлаетъ это не спроста. Онъ уже не говорилъ ему, — «какую черную немочь пишешь?», — какъ говаривалъ годъ тому назадъ, а кротко замѣтилъ: «Смотри, паренъ, какъ бы тебѣ не было худо». Мало-по-малу дядя до того озабочился этими непрестанными писаніями племянника, что рѣшился пригласить и угостить какого-то мѣстнаго литератора, чтобы тотъ посовѣтовалъ бы ему, какъ сочинять. Сочинитель не посовѣтовалъ ничего хорошаго, напротивъ, черезъ нѣсколько времени дядя узналъ, что сочинитель, несмотря на угощеніе, задумалъ всѣхъ ихъ описать въ газетахъ. Это сильно разозлило дядю; онъ вновь вознегодовалъ на сочинительство племянника и горяча «засвѣтилъ ему оплеуху»...

Тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ Рѣшетникову удалось-таки завоевать самостоятельность отъ ига воспитателей: въ первой половинѣ 1861 года онъ взялъ изъ суда отпускъ и уѣхалъ въ Пермь искать своего счастья. Но немного счастья нашелъ онъ въ Перми. Почти все время отпуска ему пришлось странствовать по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и канцеляріямъ въ тщетныхъ поискахъ мѣстечка, и при этомъ терпѣть сухіе и грубые отказы со стороны начальства и всякія оскорбленія и униженія отъ сторожей и швейцаровъ. Не малыми препятствіями къ опредѣленію его на службу служили съ одной стороны его бывшая подсудность, съ другой — обличительныя сочиненія, слухъ о которыхъ распространился по Перми, такъ какъ «Черное озеро» онъ посылалъ въ «Пермскія губернскія вѣдомости».

Лишь въ іюнѣ 1861 года онъ добился мѣста канцелярскаго служителя Казенной палаты. «Меня посадили, — пишетъ Рѣшетниковъ, — въ регистратуру. Вся моя работа не умственная, а машинная, состоятъ въ записываніи входящихъ бумагъ, над-

писяхъ на конвертахъ, отправляемыхъ изъ палаты, и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и при полученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвое обременительной. Для ума же никакой пищи».

Какую нищету терпѣлъ онъ во все время пребыванія въ Перми, мы можемъ судить по слѣдующему относящемуся къ тому времени бюджету его: «за квартиру 1 р. 50 к., на говядину—30 фунтовъ по 3 коп. за фунтъ—90 к., хлѣба на 60 к. и молока на 60 коп. — «Буду жить,—замѣчаетъ онъ,—какъ Богъ велѣлъ». Терпя такую нужду, Рѣшетниковъ переживалъ въ то время свою первую любовь къ той дѣвушкѣ, о которой мы выше говорили. Любовь эта успѣха, конечно, не имѣла: дѣвушка нашла жениха болѣе обеспеченнаго, и Рѣшетникову осталось погрузиться въ литературный трудъ, что онъ и не замедлялъ сдѣлать.

Въ Перми у него нашлось нѣсколько судей его литературныхъ трудовъ и совѣтниковъ: какой-то сослуживецъ Т. и редакторъ «Губернскихъ Вѣдомостей» П., которые все болѣе и болѣе направляли его на тотъ путь, на который выступилъ онъ въ своихъ «Подлиповцахъ». Такъ въ это время онъ написалъ разсказъ изъ заводской жизни «Скрипачъ» и драму «Раскольникъ». Нѣкоторые сцены въ этой драмѣ, правда, носятъ еще печать пережитаго мистицизма. Такъ рѣчь раскольника написана стихами и въ объясненіи таинственной жизни этого человѣка въ уединеніи, среди лѣса, примѣшана доля монастырской морали. Но не въ личности раскольника суть драмы: она нужна автору для того лишь, чтобы сгруппировать вокругъ нея недовольные типы рабочаго народа,—и здѣсь Рѣшетниковъ, по словамъ его біографа, въ первый разъ является тѣмъ, что онъ есть. Заводскіе нравы, которымъ отдано въ драмѣ двѣ трети мѣста, изображены ярко, правдиво. Въ побужденіяхъ, руководившихъ этимъ народомъ въ побѣгѣхъ съ завода въ лѣсъ къ раскольнику, — все реально, просто, безъ малѣйшей примѣси чего-либо изъ области «сверхъестественнаго».

«Раскольника и кончилъ, — пишетъ Рѣшетниковъ въ своемъ дневникѣ,—стихосложение Первлескаго мнѣ много помогло, безъ него я рѣшительно не могъ писать стиховъ... но все-таки они не стихи... Мнѣ надо свободу! мнѣ надо запереться для сочиненій... Матеріала у насъ очень много... Нашъ край обилѣнъ характерами. У насъ всякій, кажется, живетъ на особицу—чиновникъ, купецъ, горнорабочій, крестьянинъ... А сколько тайнъ изъ жизни бурлаковъ неизвѣстно міру? Отчего это до сихъ поръ никто не описалъ ихъ? Отчего нашъ край молчитъ, когда даже и Сибирь отзывается?»...

Послѣ неудачи въ любви пусто и одиноко стало Рѣшетникову въ Перми, и онъ началъ помышлять о Петербургѣ. Въ переселеніи въ столицу большое содѣйствіе оказалъ ему пріѣхавшій въ Пермь ревизоръ, у котораго онъ занимался на дому перепискою бумагъ. Ревизоръ полюбилъ его и, цѣня, какъ хорошаго писца и чиновника, обѣщалъ перевести въ Петербургъ, что и исполнилъ въ слѣдую-

щемъ году. Весною 1863 года Рѣшетниковъ получилъ письмо отъ своего благодѣтеля съ разрѣшеніемъ ѣхать и общаніемъ мѣста, и въ началѣ августа 1863 года Рѣшетниковъ былъ уже въ Петербургѣ.

IV.

Но и въ Петербургѣ много пришлось ему на первыхъ порахъ испытать горя. Хотя по протекціи ревизора онъ и получалъ занятія въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, но жалованья ему пришлось получать всего 9 рублей въ мѣсяцъ. Жилъ онъ поэтому въ каморкѣ, рядомъ съ кабакомъ, и чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, сталъ писать небольшіе очерки въ «Сѣверную Пчелу». Платили ему за нихъ плохо и неаккуратно. Одинъ изъ сослуживцевъ его, братъ молодого писателя, пріобрѣтшаго извѣстность и умиравшаго теперь въ клиникѣ, члѣвъкъ знакомый съ литературнымъ дѣломъ, надумалъ снести только что написанныхъ «Подлиповцевъ» въ редакцію «Современника». Рѣшетниковъ такъ и сдѣлалъ, присоединивъ къ рукописи письмо къ Некрасову, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ:

«Такихъ людей, какъ подлиповцы, въ настоящее время очень много не только въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, мѣстности самой глухой и дикой, но и въ смежныхъ съ нею — Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ, потому что я 20 лѣтъ провелъ на берегу рѣки Камы, по которой весной мимо Перми плывутъ тысячи барокъ, и десятки тысячъ бурлаковъ,—я задумалъ написать бурлацкую жизнь, съ цѣлію хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска. По моему, написать все это иначе—значитъ говорить противъ совѣсти, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... Вы повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пили, во время его мученій...

Напечатанные въ № 3 и 4 «Современника» за 1864 годъ, «Подлиповцы» сразу обратили на себя вниманіе публики и открыли молодому писателю доступъ во всѣ редакціи. Читатели «Современника» съ пожирющимъ интересомъ прочитали этотъ тяжелый, неуклюжій по формѣ разсказъ, написанный дубовымъ топорнымъ языкомъ, состоящимъ сплошь изъ коротенькихъ, обрывистыхъ фразъ. Ужасомъ исполнились сердца всѣхъ народолюбцевъ при видѣ поразительныхъ картинъ нищеты подлиповцевъ, ихъ упорной борьбы съ голодною смертію и невыносимыхъ страданій... Никто не воображалъ, что въ нѣдрахъ богоспасаемою Россіи могли существовать дикари, подобно неграмъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ обращенные во вьючный скотъ. Между тѣмъ разсказъ подкупалъ своею правдивостью. Передъ читателями былъ не опытный, хитроумный художникъ, которому ничего не стоить и присочинить ради эффекта, а безыскусственный самоучка, едва справляющийся съ литературными фор-

мами и языкомъ, пишущій лишь для того, чтобы объявить всенародно, какъ страдаютъ поддиповцы, и помочь имъ этимъ плачемъ. И дѣйствительно, вышло нѣчто въ русской литературѣ небывалое: не повѣсть, не рассказъ, къ какимъ публика привыкла, а въ полномъ смыслѣ протоколъ. Хотя и слышались въ каждой строкѣ тѣ затаенныя слезы, о которыхъ писалъ Рѣшетниковъ Некрасову, тѣмъ не менѣе авторъ ни малѣйшаго усилія не обнаружилъ, чтобы разжалобить читателей этими слезами. До послѣдней строки онъ остался невозмутимо спокоенъ, сухъ и лакониченъ, будто рассказывалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, ни мало не трагическихъ.

Съ приобретениемъ литературной извѣстности, жизнь Рѣшетникова значительно улучшилась; онъ пересталъ теперь испытывать прежнюю нужду, доходившую порою до полного голода. Особенно положение его сдѣлалось обезпеченнымъ съ переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ аренду Некрасову (съ 1868 г.). Къ этому времени онъ успѣлъ уже жениться на одной своей землячкѣ, такой же, какъ и онъ, круглой спрѣтъ, прибывшей въ Петербургъ на свой хлѣбъ. (Въ романѣ его «Свой хлѣбъ» описана жизнь именно жены его, Серафимы Семеновны, по его собственнымъ словамъ). Когда я съ нимъ познакомился, онъ жилъ уже не одинокимъ бобылемъ, ютящимся въ меблированныхъ комнатахъ и довольствующимся въ дешевыхъ кухмистерскихъ; у него была уютнѣйшая квартирка въ три, четыре комнатки съ скромною, но полною семейною обстановкою, и онъ имѣлъ уже духъ дѣтокъ, мальчика и дѣвочку. Но столичная жизнь мало всетаки обломала его въ культурномъ отношеніи, и онъ оставался все тѣмъ же выходцемъ изъ башкирскихъ стѣнъ, какимъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Невысокаго роста, съ лицомъ широкимъ, какъ лопата, круглымъ и лунообразнымъ, и съ узенькими подслѣповатыми глазками, онъ выглядѣлъ типическимъ инородцемъ монгольской расы. Особенно же когда начиналъ онъ сосать свою носогрѣйку съ коротенькимъ чубукомъ, вамъ такъ и хотѣлось спросить у него, что ужъ не онъ ли тотъ самый воспитанный Пушкинымъ «финскій рыболовъ, печальный пасынокъ природы», который «бросалъ въ невѣдомыя воды свой ветхій неводъ?» Вотъ, въ какомъ видѣ рисуетъ его хорошо его знавшій биографъ, Гл. Ив. Успенскій:

«Онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ, порою грубъ... Онъ всѣхъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ; рѣдко, рѣдко добродушная улыбка освѣтитъ это угрюмое лицо... Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если и принимался разсказывать что-нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ нанобыденнѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, «себѣ подъ носъ», не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубочки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель уходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ, при появленіи новаго произведенія Ѳ. М. удив-

ляться по прежнему смѣшенію въ этомъ «совершенно обыкновенномъ» человѣкѣ «великаго и малаго»...

Словомъ, застѣчивый, робкій, неловкій, онъ невольно напоминалъ собою одного изъ тѣхъ поддиповцевъ, какихъ изобразилъ въ своей знаменитой повѣсти. Въ то же время простой, искренній, дѣтски-наивный, какъ ребенокъ или дикаръ, понавіи въ столичный омутъ изъ глуши своей родины, онъ привлекалъ людей, знавшихъ его, непосредственностью и цѣльностью своей натуры, тѣмъ болѣе, что не только въ свои произведенія, но и въ самую жизнь онъ старался вносить то же участіе къ пароду и заботы объ оказаніи ему всяческой помощи.

«Въ бумагахъ Ѳ. М.,—говоритъ биографъ его,—мы нашли много подлинныхъ доказательствъ этой истинной любви къ человѣку. Вотъ записка о какомъ-то пропавшемъ мальчикѣ съ обозначеніемъ пріятѣй, выписанныхъ изъ газеты на случай, не удастся ли найти его; вотъ не напечатанная статья о дурной пинѣ черноарбочихъ, старающаяся кого-то убѣдить, что простому народу нуженъ свѣжій воздухъ и т. д. Между этими бумагами особенно интересно прошеніе, адресованное Ѳ. М.-мъ Слб. оберъ-полицеймейстеру. Въ прошеніи этомъ Рѣшетниковъ разсказываетъ слѣдующее: вздумалось ему однажды пойти въ концертъ; прочитавъ афишу и не замѣтивъ, что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ дворянское собраніе, гдѣ вѣроятно въ это время происходило уже что-нибудь другое. Городовой не пустил Ѳ. М. въ подъѣздъ; онъ пошелъ въ другой—и тамъ не пустили, «прогнали прочь», по собственному его выраженію. Ѳ. М. разсердился и отвѣтилъ, на него прикрикнули:—«Куда ты лѣзешь? Кто ты такой?»—«Мастеровой!» отвѣчалъ Ѳ. М... Результатомъ такого отвѣта было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ весь изытый, безъ денегъ и кольца.» Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего пр—ства,—писалъ онъ въ прошеніи.—Я ничего не ишу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утверждать вастъ, чтобы пристава, подчаски, городовые не били народъ.. Этому народу и такъ приходится получать всякую всячину»...

Вообще нужно замѣтить, что наивное незнаніе людей и жизни очень часто ставило Рѣшетникова вприсакъ и вело за собою рядъ комическихъ случаевъ алектотического характера. Такъ я былъ свидѣтелемъ другой неудачной попытки Рѣшетникова изобразить изъ себя меломана, не имѣвшей, впрочемъ, такого трагическаго характера, какъ вышеозначенная.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ постоянные сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» каждую недѣлю собирались то у одного, то у другого товарища провести вечеръ, не задаваясь никакими цѣлями, и ограничиваясь однѣми дружескими бесѣдами. Бывалъ на этихъ бесѣдахъ и Рѣшетниковъ. Однажды такимъ образомъ мы собрались у покойнаго Дежнега. Вечеръ подходилъ уже къ концу; сѣли ужинать; Рѣшетникова все еще не

было. Думали, что его и совсѣмъ уже не будетъ. Какъ вдругъ часовъ около двѣнадцати является Рѣшетниковъ сильно уже на-веселѣ. По словамъ его оказалось, что онъ былъ въ итальянской оперѣ, въ Большомъ театрѣ, ходилъ слушать Патти. Забрался онъ въ парадизъ и ничего не видѣлъ: одна люстра передъ глазами. Ну, а какъ же онъ нашелъ голосъ дивы?—спрашиваютъ у него.

— «Что голосъ?—отвѣчалъ онъ обычнымъ своимъ мрачнымъ тономъ. — Выдумали тоже голосъ! Кричатъ всѣ: Патти, Патти! Вышла, завизжала, какъ кошка драная! Я рукой махнулъ и весь вечеръ въ буфетѣ просидѣлъ... Вотъ ваша Патти!..»

Въ концѣ-концовъ оказалось, что Патти въ тотъ вечеръ совсѣмъ и не пѣла. Рѣшетниковъ не позаботился заглянуть на афишу и принялъ за Патти другую какую-то пѣвицу.

Помню я еще одинъ комическій эпизодъ, случившійся въ самой редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Въ квартирѣ Некрасова по понедѣльникамъ отъ часу до четырехъ пополудни были редакціонныя пріемныя собранія, на которыхъ кромѣ сотрудниковъ собиралось много и посторонняго народа, имѣющаго какое-либо дѣло до редакціи. При этомъ сообщались новости, рассказывались анекдоты, заявлялись оживленные разговоры и горячіе споры.

Такъ вотъ однажды собралось много народу, чело-вѣкъ до тридцати. Запла рѣчь о томъ, что въ прежнія времена беллетристы были несравненно образованнѣе и начитаннѣе нынѣшнихъ.

— «Нынѣшніе только и знаютъ, что пишутъ, а сами ничего не читаютъ, кромѣ своихъ собственныхъ сочиненій, — ораторствовалъ Салтыковъ, — вотъ, напримѣръ, хотя бы Рѣшетниковъ!..»

Приведя въ примѣръ Рѣшетникова, Салтыковъ былъ въ полной увѣренности, что Рѣшетникова не было въ редакціи. А Рѣшетниковъ какъ разъ въ эту самую минуту вошелъ и стоялъ сзади Салтыкова, такъ что тотъ его не видѣлъ. И представьте себѣ смущеніе Салтыкова, когда вдругъ сзади него раздался голосъ Рѣшетникова:

— «Пятьсотъ томовъ собралъ, — всѣ поддены растащили!

Раздался, конечно, общій хохотъ. Не помню ужъ, какъ вывернулся Салтыковъ изъ неловкаго положенія.

Была или не была у него библіотека въ пять-сотъ томовъ, во всякомъ случаѣ изъ оставшихся послѣ смерти Рѣшетникова бумагъ видно, что ни на одну минуту не покидало его желаніе «научиться», развитъ себя. Онъ читалъ книги, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія.

Какъ велики были его трудолюбіе и усидчивость, можно судить потому, что большую часть произведеній онъ написалъ въ теченіе всего на все семи лѣтъ: съ 1864-го по 1871-й. При этомъ нужно еще взять во вниманіе его слабость къ вину, приводившую его къ частымъ запоямъ.

Понятно, что не надолго хватило силъ чело-вѣка, жизнь котораго была подобна свѣчѣ, горѣвшей разомъ съ двухъ концовъ. 9-го марта 1871 г.

онъ умеръ на тридцатомъ году жизни, отъ отека легкихъ.

V.

Если отъ каждого писателя вы вправѣ требо-вать лишь то, что онъ способенъ вамъ дать, то тѣмъ болѣе относится это къ Рѣшетникову. Изъ всѣхъ представленныхъ фактовъ его жизни вы можете судить, что-передъ вами въ полномъ смыслѣ этого слова самоучка, не получившій никакого образованія, и потому чуждый какихъ бы то ни было философскихъ мировоззрѣній или эстетиче-скихъ требованій. Произведенія его можно срав-нить съ рисунками самородныхъ художниковъ, дѣ-тей природы, углемъ на стѣнѣ, безъ малѣйшаго знанія перспективы, и тѣмъ не менѣе обнаружи-вающихъ самообытный талантъ. Когда писалъ Рѣ-шетниковъ свои рассказы, ему и въ голову не приходило что-либо «создавать», «проводить сквозъ горнило творчества» и т. п. Онъ являлся своего рода народнымъ трибуномъ или проще сказать «докладчикомъ», ни о чемъ болѣе не помышляв-шихъ, какъ лишь о томъ, чтобы «сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ», какъ онъ выразился въ вышеприведенномъ письмѣ Некрасову, и чтобы «пристава, подчастки, городовые не били народъ, которому и такъ приходится получать вса-кой всячины», какъ онъ писалъ въ просьбѣ оберъ-полицмейстеру.

На этомъ основаніи, приступая къ чтенію раз-сказовъ Рѣшетникова, вы должны отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ ожиданій и требованій, съ которыми вы относитесь къ большинству беллетристическихъ произведеній, т. е. не искать въ нихъ ни зани-мательныхъ сюжетовъ, ни интересныхъ и выдаю-щихся въ какомъ-либо отношеніи типовъ, а тѣмъ болѣе психическаго анализа по поводу обольсти-тельныхъ свиданій въ почной тиши, трогательныхъ разлукъ вслѣдствіи взаимнаго разочарованія или же внезапно налетѣвшихъ сомнѣній въ возможно-сти счастья на землѣ и т. п. Кто во всемъ этомъ видитъ исключительно поэзію, тому, конечно, про-изведенія Рѣшетникова должны показаться край-не-прозрачными. Въ нихъ только и выводятся, что кухарки да дворники, семинаристы да почталыоны, извозчики да бурлаки, мастеровые да фабричные и т. п. Пусть бы и изъ этого люда онъ выбиралъ особенныя, избранныя натуры и показалъ бы намъ напримѣръ какого-нибудь гения, который могъ бы сдѣлаться вторымъ Ломоносовымъ, а судьба су-дила его мести дворъ; пусть бы онъ представилъ намъ, какъ бѣсится этотъ Прометей, прикованный къ своего рода скалѣ ничтожества, и заключилъ бы рассказъ эффектной развязкой въ родѣ суза-мствія, убійства, разбоя, а то его герои люди подъ-рядъ, люди самые обыкновенные изъ обыкновен-ныхъ чернорабочихъ, которыхъ ежедневно въ сот-нямъ встрѣчаете на улицѣ. Самымъ спокойнo-серьез-нымъ тономъ, безъ малѣйшей улыбки, описываетъ онъ, какъ эти люди мѣняютъ мѣста, квартиры, голо-даютъ, пьютъ водку, какъ ихъ бьютъ и таскаютъ